

ГЛАВА 1

«Николай Гоголь» провалился в яму. На задних рядах кто-то вскрикнул, по салону прокатился лязг металлических пряжек, грудной ребенок дотянулся до ноты си второй октавы. У Лены внутри все сдавило, тело перестало слушаться. Стаканчик с остатками сока поскользнулся на раскладном столике и упал ей в ноги. Лене казалось, что чья-то невидимая рука трясет аэробус, словно игральные кости, и вот-вот швырнет с высоты 10 тысяч метров. Мужик на соседнем сиденье начал креститься, с отчаяньем втыкая троеперстие в круглый тугой живот. Лена заметила, что он крестится не справа налево, а слева направо — по-католически. Это наблюдение отвлекло ее от собственного страха. Через пару минут все успокоилось. Католик встал, открыл багажную полку, достал из сумки мерзавчик «Столичной» и отхлебнул.

Лена опустила голову. На джинсах расцвели томатные пятна, но это уже не имело значения. После восьми часов полета она чувствовала, как будто ее руки и ноги состоят из миллиарда маленьких сжатых пружин. Вот бы сейчас раскинуться на кровати в позе морской звезды, укрыться одеялом с головой и спать

целую вечность. Планы на вечность тут же разрушила стюардесса: «Уважаемые дамы и господа, просьба убрать откидные столики, открыть шторы иллюминаторов и пристегнуть ремни безопасности». Тоска по дому затянула Лену в узел.

Как конькобежец на вираже касается рукой льда, самолет тронул крылом облако, развернулся и пошел на посадку. Белая пелена рассеялась, и показался рваный берег острова. В аэропорту было жарко, хотя стоял октябрь. Резиновая лента навернула уже несколько кругов, а клетчатого чемодана все не было. Лена представила, что ее багаж вывалился во время турбулентности и приземлился где-то на площади в Улан-Удэ, а может, его по ошибке отправили в Таганрог или Астрахань. И все ее кашемировые свитера, австралийские джинсы и французские сорочки примеряют сотрудницы аэропорта. Хотя теперь им нужнее.

Чемодан выехал из тоннеля самым последним, с помятыми боками и расстегнутой молнией на кармане. Еле стащив его с ленты, Лена двинулась к выходу. У дверей она заметила тучного парня в камуфляжном костюме, с мясистым носом и короткой челкой. Он мял в руках листик, на котором печатными буквами было выведено — «Нефтепромрезерв». Лена подошла:

— Кажется, «нефтепромрезерв» — это я.

— А я — Коля. Едем?

Он выхватил багаж и покатил его в сторону стоянки. Колесики с трудом преодолевали трещины на асфальте — даже чемодан сопротивлялся глупому повороту судьбы. Коля остановился у машины, точнее, у настоящего вездехода: высота колес не меньше метра, из капота торчит труба, похожая на кобру в боевой стойке.

— А это что такое? — Лена тронула металлическую змею.

— Да это шноркель, чтобы по дну реки ездить. У вас таких нету, поди, в Москве, — Коля тщательно изучил Лену и задержал взгляд сначала на заляпанных джинсах, а потом на белых кроссовках *New Balance*. — Прошу садиться в карету, мадмуазель.

Из аэропорта Южно-Сахалинска до Крюкова — не меньше четырех часов. На улице моросило, за окном мелькали невзрачные коробки гаражей и рекламные билборды: «Бестраншейная прокладка трубопроводов», «Мир пайки», «Союз православных пчеловодов». Лена задремала. Где-то через час Коля тронул ее за плечо:

— Вы, наверное, кушать хотите? Я позвонил тут Валере, сказал, что встречаю гостя из Москвы, он обещал свежих чебуреков сделать. Наши все у него берут.

Когда в игру вступают «наши», пасовать неудобно. Коля выскочил у придорожной забегаловки и вернулся со стаканом чая и масляным полумесяцем, обернутым в серую бумагу. Лена отхлебнула глоток, и небо моментально онемело от кипятка. К тому же чай оказался с сахаром. В Москве она старалась не есть сладкое и мучное, вставала на весы утром и вечером, но если жизнь теперь неслась под откос, то почему бы не придать ей ускорение? Лена отщипнула кусочек чебурека и положила в рот. В середине мясо показалось сырым. Джип медленно двинулся с места. Разобравшись с обедом, будто пройдя инициацию, Лена прилипла к стеклу. У самой дороги под пляжными зонтами сидели женщины в фуфайках и бриджах поверх колготок, а рядом с ними на столах вместо яблок или банок с огурцами, беспомощно раскинув щупальца, пылились огромные крабы.

— А сколько здесь стоит краб?

— Тараканы-то? Ну, этим рублей 300 красная цена. Но лучше брать по 500. Я знаю надежных людей, обращайтесь.

После крабов начались грибные ряды. На капотах, на леопардовых покрывалах и просто на земле стояли ведра с лисичками, белыми, груздями и неизвестными шариками, похожими на большие шампиньоны.

— Надо же, какие боровики красивые! Вот бы их с картошкой пожарить.

— Э, нет. Грибы я у трассы не советую брать. Вы что же, не знаете, как людей дурят?

— Не-а.

Коля снисходительно посмотрел на Лену и покачал головой:

— Самые лучшие грибы кладут сверху и на дно ведра. В середине — всякий лом и даже червивые. Вот ты купишь ведро, перевернешь его в пакет и не заметишь, что тебя развели. — Коля решил, что настало время перейти на «ты». — Сама-то в Москве родилась?

— В Москве, да. — От этого признания Лене стало неуютно.

— Ну, ты вроде ничего, хорошая девчонка. Но вот ваши к нам когда приехали завод строить, столько гонора у них. Нет, подзаработать, конечно, дали. Я сразу возить народ на стройку подрядился. Но мужики у нас недовольны. Говорят, москвичи посуду не моют, а выбрасывают.

— Что?

— Грязную работу вы не любите и деньгами напоказ сорите. Но это я не про тебя конкретно, ты не думай, — сжалился Коля.

Машина ехала между голых сопок, напоминающих куски халвы. Вдоль дороги вытянулись трехметровые растения с толстым стеблем и широкими листьями.

— Коля, а это у обочины бамбук растет?

— Это? Да борщевик обычный. Он у нас и по 5, и по 6 метров вырастает. А бамбук я покажу тебе по-

том, когда подъезжать будем. Ты лучше про себя расскажи. Замужем? Дети есть?

— Нету. — Коля полез на приграничную зону острых тем.

— А чего так?

— Не хочу, — Лена не сдержала раздражения в голосе.

— Да ты не нервничай так. Ну нет и нет. Успеешь еще. Я вот недавно открыл для себя одного духовного деятеля, Ошо, — знаешь такого? Так теперь вообще не волнуюсь. Он говорил: «То, что есть, — есть. Остановитесь и увидите». Никуда теперь не бегаю, спокоен как удав, с женой хорошо стало. Вот смотри, что она подарила, — Коля щелкнул подвеску на зеркале заднего вида. Рядом с георгиевской лентой, крестиком и елочкой болталась разноцветная нитяная мандала.

Через несколько минут сзади пристроился черный *BMW*, резко подрезал Колин вездеход и умчался за горизонт.

— Ах ты, сука! Куда ж ты так торопишься, унитаз на лыжах! Чтоб тебе там шину пробило, урод! — Коля воспринял обгон как личное оскорбление.

Наконец они добрались до перетяжки над дорогой: «Крюков — город будущего». Лена подумала, что в России есть города светлого будущего и славного прошлого, но хорошо бы нашелся хоть один город настоящего.

Двухэтажные бараки из дерева, черного от влаги, торчали у дороги. Деревьев почти никаких, только низкие кустарники. Кое-где встречались кирпичные дома, огороженные двухметровым металлическим забором. На калитках — таблички-предупреждения про сторожевых собак: «Я добегу до забора за две секунды, а ты?» или «Собака злая, а кот вообще ниндзя».

Лене нужно было забрать ключи в офисе «Нефтепромрезерва» — компания снимала для сотрудников квартиры в центре Крюкова. Хотя различить, где именно у Крюкова центр, непросто: за полчаса город можно пройти насквозь. Офис открыли в районе пятиэтажек. Вскоре Лена поняла, что это и есть местный даунтаун. Маленький пятачок стал эпицентром общественной жизни — больница, две школы, «Сбербанк», ДК, улица Ленина, площадь Ленина, памятник Ленину, церковь-новодел, администрация города и два кафе-конкурента — «Ветерок» и «Тополёк». Она быстро забежала в контору, расписалась в журнале и взяла ключи у секретаря. Сюда Лена вернется завтра и будет приходить еще сто восемьдесят дней, которые тогда представлялись ей худшим временем в жизни.

Коля завел мотор и повез московскую пассажирку в ее временный дом. На перекрестке они остановились. По улице двигалась похоронная процессия, каких Лена никогда не видела. Впереди мужчина нес красный стяг с золотыми иероглифами, за ним на плечах тащили открытый гроб и крышку. На женщинах — белые платки, пара старушек одета в бежевые халаты поверх темных курток и пальто. Вот-вот замашут крыльями и взлетят, как сороки. Коля перехватил Ленин удивленный взгляд:

— Да это корейцы хоронят. Они вообще странный народ. Меня как-то позвали на поминки, так у них надо садиться и есть прямо перед гробом, пока его еще не закопали. Кусок в горло не лезет.

— Ужас!

— А ночью родственники играют с покойником в карты, развлекают его.

— А почему они в белом?

— Вроде как белый у них цвет смерти, как у нас черный. Типа, волосы к концу жизни седеют. И полю-

са у Земли белые. У меня есть друг-кореец, так прикинь, он когда родителям хотел новые окна ставить, они увидели, что белые, и ни в какую. Дурной знак, говорят. Помереть боятся.

— А у корейцев тут свое кладбище есть?

— Да прямо. С нашими рядом закапывают. А иногда и жгут трупаков своих. У них положено. Уезжают на берег и разводят костры, крематория-то нет.

— А это законно вообще?

— А что им за это будет? Они же не убивают. У нас тут, Лена, свои законы.

Коля тормознул у одной из пятиэтажек. Желтая штукатурка начала сыпаться и обнажила рыжие кирпичные веснушки. Квартира на верхнем этаже. Коля обещал занести чемодан, но сначала хотел покурить. Лена вошла в подъезд, преодолела пару пролетов и обнаружила, что на третьем этаже не горит свет. Сунула руку в карман, достала айфон — что за черт, батарея села. Придется идти на ощупь. В подъезде воняло уксусом. Вдруг она почувствовала, что правая нога уткнулась во что-то мягкое и бугристое. Лена вскрикнула, рванула вниз через ступеньку и чуть не упала, вылетая из дверей.

— Коля, там человек лежит! Мертвец!

— Сейчас посмотрим, не ори.

Он взял телефон с фонариком и двинул в подъезд. Лена осторожно пристроилась следом. На третьем этаже Коля хохотнул:

— Ну что ты так вопила? Лежит парень, отдыхает. Ну, принял немного, не сухопутным же ходить.

Лена подошла ближе и увидела в луче фонаря оплывшее лицо. Человек в таком же камуфляже, как у Коли, лежал на площадке, положив руку под щетинистую щеку, и размеренно сопел. Он даже не почувствовал, что его потревожили.

Коля сделал еще одну ходку вниз за чемоданом и вернулся:

— Ну, бывай, подруга. Телефон мой сохрани. Я тебе, если хочешь, дам Ошо почитать. Тебе надо.

Лена попрощалась и вошла в светлую однушку. За окном гнули шею жирафы подъемных кранов и виднелся кусочек моря. В комнате было чисто, из мебели — стенка, стол и грязно-розовый разлохмаченный диван, весь в затяжках и нитках. Над диваном висел плюшевый ковер с золотистыми оленями. Лена села, с силой выдохнула и погладила оленя: «Ну что, будем дружить?» Олень ударил копытом и подмигнул.

ГЛАВА 2

Все началось с того, что Андрей Андреевич Корольков, владелец компании «Нефтепромрезерв», дочка большого нефтяного холдинга, посмотрел фильм «Матильда» про балерину Кшесинскую. Его настолько вдохновил антураж картины, что он вызывал к себе Лену и сказал:

— Скоро наш юбилей, Лена, серьезная дата, пятнадцать лет в отрасли — это все-таки не шубу в трусы заправлять. Денег не желей. Закатим царский бал. Все должно пройти на высшем уровне, позовем партнеров, важных гостей.

— А может, позовем еще лучших работников из региональных филиалов, с заводов? Чтобы они тоже почувствовали себя частью команды. — Лена рвалась в бой.

— Слушай, я тебе доверяю. Сделай так, чтобы мне перед товарищами не стыдно было. И сразу по месту — это должен быть центр, недалеко от Кремля.

Корольков нанимал молодых заместителей, выпускников программ МВА, платил им большие зарплаты и даже делал вид, что слушает их советы. Он отчаянно пытался угнаться за временем, но чувствовал, что его золотой век остался где-то в девяностых.

Бывший комсомолец, он рано занялся кооперацией, торговал машинами, попал в банковскую сферу, нарастил мышцы, и вот уже там, наверху, дали добро на допуск к телу № 1, а затем — и к кровеносной системе Родины. Правда, нефтянка нулевых оказалась делом скучным. Из предпринимателя Корольков превратился в чиновника средней руки, добровольно позволил приручить себя и поселить в контактный зоопарк. Каждый год он обновлял айфоны, менял любовницу на улучшенную модель и даже встал на сноуборд, но это не помогало. Вместе с волосами, которые покидали голову шеренга за шеренгой, уходило и чувство атаки. Он больше не ощущал себя полководцем, которому нужно вести затяжные войны за рынок, власть и собственную жизнь. Теперь он боролся с запахом изо рта и дряхлеющим телом. Недавно Корольков закрутил роман с Ириной Шу, победительницей конкурса «Газовая краса 2015». Теперь Ирина называла себя бизнесвумен, выпускала духи *Russian sterkh* и числилась сопредседателем в одном из фондов развития то ли инноваций, то ли моногородов.

Лена состояла у шефа на особом счету. Среди коллег-эйчаров она была самой активной, сыпала идеями и часто подменяла директора по персоналу Виолетту Иголкину. Корольков чувствовал в Лене родственный дух антрепренера. Она отвечала за мероприятия, программу студенческих стажировок, иногда вела собеседования. Лена стойчески приняла идею проводить юбилей компании в стиле благородного дворянства, наняла приличное агентство и занялась организацией праздника. Вскоре для царского бала было решено снять галерею Мылова, расположенную в нескольких минутах от Кремля. Вместе с агентом Лена отправилась посмотреть помещение. На входе ее заставили надеть бахилы, просторные залы

пустовали. Со стен на Лену уставились известные актеры и политики кисти народного художника с неестественно застывшими лицами, будто намазанными толстым слоем парафина.

В головном офисе «Нефтепромрезерва» работали четыреста человек, еще сто, прошедших отбор на лучших сотрудников компании, приехали из регионов. Руководители северных офисов и заводов, аппаратчики, газорезчики и вышколомонтажники прибыли в Москву и поселились в гостинице «Пекин». В программе венский оркестр, парочка оперных певцов второго ранга и настоящий медведь с ненастоящими цыганами. Всех желающих пригласили в костюмерную «Мосфильма», чтобы подобрать платье в пол, сюртук, кадетскую гимнастерку, расшитый кафтан или поповскую рясу.

После концерта и торжественных речей Корольков, Ирина Шу, высший менеджмент и VIP-гости удалились в отдельный камерный зал. Лена раздавала поручения помощникам из агентства, пытаясь уследить одновременно за капризными артистами, медленными официантами и буйными гостями. Тяжелое морское платье в темно-синюю полоску гадко шуршало при ходьбе. Оно досталось ей от костюмерши по остаточному принципу — о своем внешнем виде Лена подумала в последнюю очередь. Теперь ей казалось, что это не курортный наряд, а роба заключенного. В какой-то момент Корольков пропал и вернулся в образе Николая II: наклеил бороду, усы и надел мундир с эполетами. За столиками велись беседы о триатлоне, детоксе, кеш кау, адженде, аджайле и дью-дилиженсе.

Бывший депутат Госдумы делился впечатлениями от поездки в Колумбию:

— Недавно я съездил на ретрит. Там один шаман учил меня правильно пить айваску, чтобы постигнуть, кто я на самом деле.